

**ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII—XX ВЕКОВ**

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Выпуск 10

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

XVIII—XX веков

Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр

Редакционная коллегия:

*профессор В. Н. Захаров (ответственный редактор),
профессор В. В. Дудкин, профессор И. А. Есаулов,
доктор филологических наук А. Е. Кунильский,
профессор Т. Г. Мальчукова, профессор В. Г. Маркович,
профессор Е. М. Неёлов, профессор А. В. Пигин,
профессор В. Е. Хализев*

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

XVIII—XX веков

**Цитата, реминисценция,
мотив, сюжет, жанр**

Выпуск 7

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Серолян А. С.</i> Литургическое слово в русской литературе Постановка проблемы.	5
<i>Захаров В. Н.</i> Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема.	14
<i>Есаулов И. А.</i> О сокровенном смысле «Станционного зрителя» А. С. Пушкина	25
<i>Кошелев В. А.</i> «День Бородина» и Четии Минеи	31
<i>Богданова О. А.</i> Любовь, долг, материнство: Татьяна Ларина в оценке Белинского, Достоевского и Розанова	41
<i>Денисов В. Д.</i> Евангельские мотивы в последних записях Н. В. Гоголя	49
<i>Працгерук Н. В.</i> Пастырь и художник: о духовной прозе Игнатия Брянчанинова	59
<i>Мельникова С. В.</i> Мемуары сибирского православного духовенства XIX века и областная сибирская литература	67
<i>Сергеева О. А.</i> Библейский параллелизм в поэме Ф. Н. Глинки «Таинственная капля» (слово-образ свет).	77
<i>Дудкин В. В.</i> «Невыразимое» у Данте, Гёте и Достоевского	86
<i>Кунильский Д. А.</i> Духовное значение Достоевского в оценке И. С. Аксакова и архиепископа Никанора	114
<i>Романова Н. Н.</i> Евангельский текст в романе Ф. М. Достоевского «Негодка Незванова»	125
<i>Габдуллина В. И.</i> Архетипический мотив «договора с дьяволом» в романах Ф. М. Достоевского: «богоотметное писание»	133
<i>Захарова О. В.</i> Спор с Достоевским о «Бесах»: проблема непонимания романа в прижизненной критике.	143
<i>Тарасова Н. А.</i> Исправления неверных прочтений рукописного текста Достоевского (на материале романов «Бесы» и «Братья Карамазовы»).	163
<i>Якубова Р. Х.</i> Диалогическая конвергенция библейских и литературных фабул в романе Ф. М. Достоевского «Подросток».	173
<i>Гаричева Е. А.</i> Евангельское слово и традиции древнерусской словесности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	188
<i>Осокина Е. А.</i> Гимнографический «канон» в «форме плана» «Братьев Карамазовых» Достоевского.	196
<i>Кошемчук Т. А.</i> Раскольник, Ставрогин, Верховенский, Иван Карамазов – старец Зосима: атеистическая идея в свете христианского сознания	203
<i>Шаулов С. С.</i> Религиозность Достоевского как методологическая проблема советского литературоведения	216
<i>Андреанова И. С.</i> Концепция жанра дневника А. Г. Достоевской	224
<i>Видмарович Н. П.</i> Дерзость и дерзновение в праведнических рассказах Н. С. Лескова: христианский аспект осмысления	241
<i>Карсакова Я. В.</i> «Строгановская», или «старобрядческая», иконописная традиция в творчестве И. С. Лескова	252
<i>Лукашевич М.</i> Библия в художественном мире рассказа Н. С. Лескова «Однодум».	259
<i>Кунильская Д. С.</i> Ранневизантийская традиция в романе «Одиссей Полихрониадес» К. Н. Леонтьева	267

<i>Черепанова Н. Б.</i> Христианская символика цветов в лирике В. В. Гофмана	276
<i>Абрамова О. Г.</i> Богоборческие мотивы в поэме В. Маяковского «Облако в штанах»	287
<i>Шарапенкова Н. Г.</i> Крестный путь героя. Ветхозаветные и евангельские мотивы в романе «Москва» Андрея Белого	301
<i>Бердникова О. А.</i> Реминисценции, цитаты и мотивы Псалтири в творчестве И. А. Бунина	315
<i>Соболев Н. И.</i> Из творческой истории повести И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша»	328
<i>Спиридонова И. А.</i> Икона в военных рассказах А. Платонова	343
<i>Неёлов Е. М.</i> Христианские традиции в русской фантастической литературе XX – начала XXI века (статья 2)	351
<i>Есаулов И. А.</i> Фрейдистские комплексы советско-постсоветского литературоведения в изучении евангельского текста русской словесности	360

Научное издание

Евангельский текст в русской литературе

XVIII—XX веков

Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр

Выпуск 7

Редактор *Т. А. Каракан*

Художественный редактор,
компьютерная верстка *Н. Н. Осипов*

Подписано в печать 06.12.2012. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл.-печ. л. 24.

Изд. № 362 Тираж 1000 экз. Заказ № 1951

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ISBN 978-5-8021-1473-5

9 785802 114735

ковный проповедник – отмечают в Достоевском способность идти своим, христианским, путем, даже в самых неблагоприятных для этого социально-исторических обстоятельствах. И не просто идти, а еще и увлечь за собой огромные массы людей, которые могли бы выбрать совсем иную дорогу.

Кроме того, мнение архиепископа Никанора как человека непредвзятого является важным свидетельством близости Достоевского к славянофильству, причем близости духовной, смещающей все расхождения в литературных и общественных взглядах на второй план.

Н. Н. Романова
Луганск

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА»

N. N. ROMANOVA
LUGANSK

THE GOSPEL TEXT IN THE NOVEL OF DOSTOEVSKY
«NETOCHKA NEZVANOVA»

В статье рассматриваются параллели с евангельским текстом в романе Ф. М. Достоевского «Нечка Незванова», в том числе и сакрализация образа главной героини, трансформации новозаветных притч. Библейские реминисценции являются важными сигналами, позволяющими максимально глубоко постичь исходный смысл романа. *Ключевые слова:* кенозис, саркализация, притча, эктип.

The article is devoted to the parallels with the gospel text in the novel of Dostoevsky «Netochka Nezvanova», including sarkalization of the main heroine's image and the transformation of the newtestament parables. Biblical allusions are important signals that allow most deeply understand the original meaning of the novel. *Key words:* kenosis, sacralization, parable, actip.

Особое смысловое напряжение романа, в котором раскрывается его глубинное содержание, связано с темой Божьего суда над истинно падшим человеком и темой людского (фарисейского) суда.

Рассмотрим тему возмездия Божьего, достигшего нераскаянного грешника Ефимова, который загубил не только свыше данный талант, но и две жизни рядом. Изменения в характере Ефимова произошли после дружбы с загадочным итальянцем. После смерти таинственного друга Ефимов получает в наследство черный фрак и скрипку, которая делает из него талантливого скрипача. Но цена за это слишком

ими достопамятными учителями и друзьями: Хомяковым, Киреевским, Юрием Самариним, братом по плоти и духу Константином Аксаковым, к которому и в последующие годы по временам примыкали сильные люди, – даровитейший и влиятельнейший писатель Ф. М. Достоевский, народный герой Скобелев... серьезный мыслитель и ученый Н. Я. Данилевский...» (Иванцов-Платонов А. М., протоиерей. За третье десятилетие священства (1883–1893). Сергиев Посад, 1894. С. 54).

велика – бесценная душа. Много объясняет ночная сцена – беседа в полночь (самое подходящее время для сакрального диалога) незаслуженно обиженного помещика-благодетеля с арестованным скрипачом. На вопрос помещика: «Егор, за что ты так обидел меня?» Ефимов, опомнившись, отвечает: «Бог знает, за что я так обидел вас, сударь!.. знать, бес попутал меня!»¹

Через несколько лет Б. встречается Ефимова у входа в грязный трактир (антипод храма). В самом трактире, куда они заходят вместе, дается портретная зарисовка отчима Неточки:

¹ Был почти в лохмотьях, в худых сапогах; растрепанная манишка его была вся залита вином².

Телесная же ущербность в поэтике Достоевского часто указывает на поврежденность духовную. Далее следует описание:

Он очень изменился, пожелтел, отек в лице; видно было, что беспутная жизнь положила на него свое клеймо неизгладимым образом³.

Гордец пал, о чем предупреждает Библия:

Поникнут гордые взгляды человека, и высокое людское унижится (Ис. 2:11).

И далее о суде над самонадеянными грешниками:

И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос – плешь, и вместо широкой епанчи – узкое вретиче, вместо красоты – клеймо (Ис. 3:23).

Портретное соответствие Ефимова этому описанию очевидно: хмельное зловоние, плешь вместо волос, вретиче вместо достойной одежды и, наконец, клеймо на желтом отеком лице.

На шее Ефимова вместо нательного креста на черном шнурке висит ключ от сундука – самого большого его сокровища, в котором хранится мистический черный ящик (футляр со скрипкой), символизирующий гроб. Каждый раз Ефимов будто хоронит свой инструмент:

Скрипка с теми же предосторожностями была уложена в ящик, ящик был заперт и положен в сундук⁴.

¹ Достоевский Ф. М. Неточка Незванова // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 2. Л.: Наука, 1972. С. 147.

² Там же. С. 153.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 172.

Здесь скрипка выступает заместителем живого тела музыканта, и герой фактически хоронит самого себя. Вспомним сцену у тела его мертвой жены, когда Ефимов играет на своем мистическом инструменте, как на собственных похоронах:

Наконец он взял скрипку и с каким-то отчаянным жестом ударил смычком... Музыка началась. Но это была не музыка... <...> Это были не звуки скрипки, а как будто чей-то ужасный голос загремел в первый раз в нашем темном жилище... загремел ужасный финальный аккорд⁵.

Последний зловещий аккорд на скрипке онтологически равен ужасной смерти Ефимова. Через несколько дней он умер.

Музыкант сделал своим божеством инструмент. Но В. Н. Топоров замечает: «Только “преодоление” вещей, отказ от них позволяет душе человека найти Бога»⁶, тем самым разоблачая «вещного» героя. Вообще замещение человеческого образа вещью имеет в романе существенное значение. Неточка будет терзаться мыслью:

Всего более мучила меня в это мгновение матушка. «Зачем мы ее оставили, – думала я, – одну? покинули ее тело как ненужную вещь?»⁷

Символически Ефимов под грудой вещей хоронит тело жены:

Закрыв матушку совершенно и спрятал под набросанной грудой⁸.

О духовной ущербности Ефимова красноречиво говорят ветхие и поврежденные предметы: разодранные бумажные ширмы (заместители лохмотьев), тряпки, щетки, деревянная посуда, разбитая бутылка. Он одет в изорванный сюртук – своеобразный двойник разорванных ширм. Ветошь, ветхие вещи, чреватые тлением, вторят, таким образом, ветхому человеку, которого с появлением Нового Завета каждый призван победить в себе.

Если рассматривать введенную в ткань романа притчу о талантах, то в ее контексте еще одна вещь – тетрадь с нотами, заброшенная Ефимовым в пыльный комод, – становится эмблемой зарытого в землю таланта. В противоположность своему нерадивому другу скрипач Б. говорит:

⁵ Там же. С. 184.

⁶ Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 23.

⁷ Достоевский Ф. М. Неточка Незванова. С. 186.

⁸ Там же. С. 184.

Я не зарыл свой талант, как ленивый раб, а возрастил сторицею⁹.

Роман вообще насыщен встроенными в его глубинную структуру притчами. Это притча о блудном сыне, о пропавшей овце, о самовозвышающихся званых, о званых и избранных, о талантах и о тесных вратах.

В Святом Писании подчеркивается, что неправедные в сознании грехов своих «предстанут со страхом» и «беззакония их осудят их в лице их» (Прем. 4:20), т. е. люди осудят сами себя, увидев явно свои грязные духовные лица. О причине смерти Ефимова говорится так:

Истина ослепила его своим нестерпимым блеском.

И далее:

В последний раз, в судорожном отчаянии, хотел он судить себя сам, осудить неумолимо и строго, как беспристрастный, бескорыстный судья... Он умер, потому что такая смерть его была необходимостью, естественным следствием всей его жизни¹⁰.

В рассказе «Господин Прохарчин» появляется так называемый мотив отрубленной головы грешника топором (**секирой**). Суд Божий над Ефимовым совершается так же:

Казалось, всю жизнь секира висела над его головой, всю жизнь он ждал каждое мгновение в невыразимых мучениях, что она ударит в него, и – наконец секира ударила! Удар был смертелен. Он хотел бежать от суда над собою, но бежать было некуда¹¹.

Суд Божий сопровождается в романе «музыкальным громом»:

Это были не звуки скрипки, а как будто чей-то ужасный голос загремел... я твердо уверена, что слышала стоны, крик человеческий, плач; целое отчаяние выливалось в этих звуках, и наконец, когда загремел ужасный финальный аккорд, в котором было все, что есть ужасного в плаче, мучительного в муках и тоскливого в безнадежной тоске, – все это как будто соединилось разом...¹²

Как замечает Л. В. Карасёв, в основе любого текста лежит «некий неуничтожимый импульс (“исходный смысл”), который осуществляет, показывает себя по мере движения сюжета в цепочке различных, но существенно связанных друг с другом вариантов (“иноформ”)¹³. Важным

⁹ Там же. С. 150.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Неточка Незванова. С. 188.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 184.

¹³ Карасёв Л. В. Вещество литературы. М., 2001. С. 10.

сигналом в любом тексте является библейская реминисценция, могущая быть не только одной из иноформ, но и самим выразителем исходного смысла текста. В романе «Неточка Незванова» таким важным сигналом является отсылка к евангельской ситуации, когда фарисеи приводят к Христу грешницу для суда над ней и получают ответ:

Кто из вас без греха, первый брось на нее камень (Ин. 8:7).

Прочитируем письмо С. О. к Александре Михайловне:

Они [обвинители] слепы... Им *нечем* увидеть! Они не поверят, что ты невинна, даже *перед их судом*... Какой же камень поднимут они на тебя? чья первая рука поднимет его? О, они не смутятся, они поднимут тысячи камней!¹⁴

Здесь появляется еще один сигнал, указывающий на совершение фарисейского суда.

Имплицитно введенная притча о мытаре и фарисее выстраивает персонажей романа по смысловому содержанию на двух плоскостях в ряд фарисеев и ряд их жертв. К «фарисеям» можно отнести княгиню Х-ю, старушку княжну, Федора Феропонтовича и Петра Александровича. Их жертвы – дети – сама Неточка, Катя, Саша, Ларенька и Александра Михайловна.

О фарисеях Христос говорит следующее:

Люди сии чтут Меня устами; сердце же их далеко отстоит от Меня (Мк. 7:6).

Замещая свою истинную сущность видимостью благочестия, фарисеи позволяют себе совершать суд над детьми, «побивать их камнями». Княгиня Х-я благоволит к сиротке Неточке только напоказ:

Княгиня стала ко мне вдруг внимательнее и ласковее... Потом, когда кончились визиты, лицо княгини стало приметно суровее¹⁵.

Обвиняя Неточку в дурном влиянии на Катю, княгиня объявляет сироту чуть ли не разбойницей. Фарисейство ярко выражено и в образе старой сестры князя:

Старушка княжна одевалась вся в черное, всегда в платье из простой шерстяной материи, и носила накрахмаленные, собранные в мелкие складки

¹⁴ Достоевский Ф. М. Неточка Незванова. С. 243.

¹⁵ Там же. С. 191.

белые воротнички, которые придавали ей вид богаделенки. Она не покидала четок, торжественно выезжала к обедне, постилась по всем дням¹⁶.

На деле же княжна терроризирует весь дом, а детей – Катю, Неточку и Лареньку (персонаж, исключенный из дальнейших изданий романа после 1849 г.) – считает главными разбойниками.

Фарисеем Фарисеевичем можно назвать Федора Фералонтовича (образ, позже исключенный из романа). Заглавные буквы имени героя более чем красноречивы в данном контексте. В «Отечественных записках» за 1849 г. знакомимся с его характеристикой:

Чрезвычайно любил беспрестанно толковать... о том, какой он хороший, прекрасный человек, какие он заслуги оказал обществу, каких нажил врагов и как мало пожал...¹⁷

Многоточие здесь, расширяя семантические рамки текста, выводит к аллюзии на притчу о жатве Господней. Намек на жатву последних времен имеет сатирическую окраску. Каждый вечер Федор Фералонтович «делал из своего дома маленький ад». В очередной раз, когда у него начался приступ самообожания, дети подучили сиротку Лареньку попросить их папу купить яблок. Сцена, разразившаяся после такой «наглости», описывается в стиле Диккенса (вспомним эпизод в работном доме, когда Оливер Твист попросил добавки). Ларенька был обвинен даже в смерти своих родителей.

Главным же фарисеем в романе можно считать Петра Александровича. Обратимся к его портретным характеристикам, которые апостериори передает Неточка:

Помню, прежде всего, меня поразили глаза портрета. Меня поразило тут же, что я почти никогда не видала глаз этого человека: он всегда прятал их под очки¹⁸.

Большие зеленые очки Петра Александровича – метонимический символ его лица-маски (вспомним и лицо-маску Ставрогина в «Бесах»), которую он надевает перед общением с женой. В семантике образа маски выделяется множество культурных пластов. Среди них – смысл, являющий себя в теургическом ключе в оппозиции *лик* – *личина*, обнаруженный П. А. Флоренским:

¹⁶ Там же. С. 193.

¹⁷ Там же. С. 444.

¹⁸ Там же. С. 246.

Характерно, что слово *larva* получило уже у римлян значение «астрального трупца», «пустого» – *inanis*, бессубстанциального клише, оставшегося от умершего, т. е. темной, безличной вампирической силы, ищущей себе для поддержки и оживления свежей крови¹⁹.

Реакция Неточки, увидевшей превращение, понятна:

Помню, что я, ребенок, задрожала от страха, от боязни понять то, что я видела²⁰.

Не осознавая всей сути увиденного, ребенок «сердцем» прозревает в Петре Александровиче астрального вампира – фарисея. Он привык участвовать в маскараде:

Посмотревшись с минуту в зеркало, он понурил голову, сторбился, как обыкновенно являлся перед Александрой Михайловной, и на цыпочках пошел в ее кабинет²¹.

Определение «лицемер», кстати, Достоевский переводит из речевого в изобразительный ряд – герой реально «меряет лицо» дважды перед одним и тем же зеркалом.

В Библии образ зеркала встречается всего несколько раз. Вот одно из употреблений:

Мы же все, открытые лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ (2 Кор. 3:17–18).

В этом контексте Петр Александрович – антипод «открытых лицом» перед зеркалом. Искажая свою сущность, первоначально заложенную в человека как образа Божия, он искажает и само бытие, преломляя его через «кривое зеркало». Его слова и поступки прямо соотносятся с молитвой фарисея из Евангелия от Луки:

Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодееи... (Лк. 18:11)

Ефимов и Петр Александрович – тираны, каждый из которых мучает свою семью в течение восьми лет. Их жены – родная мать Неточки и любящая ее, как мать, опекунша – мученицы, погибающие по вине мужей. Александра Михайловна, правда, в романном времени не умрет, но чувствует свою смерть, о чем сообщает Неточке.

¹⁹ Флоренский П. Иконостас. М.: Мир книги; Литература, 2007. С. 68.

²⁰ Достоевский Ф. М. Неточка Незванова. С. 251.

²¹ Там же.

Проявляется в романе и притча о семени из Благой Вести. Семя, упавшее на камень, плода не дало. Эту притчу Христос завершает словами:

Кто имеет уши слышать, да слышит! (Лк. 8:15).

Только в тексте Достоевского, согласно его собственным задачам, одна из которых – осуждение духовной слепоты, происходит замена органов чувств. Здесь библейская цитата трансформируется, и из слов «кто имеет уши слышать, да слышит!» являет себя следующий смысл: кто имеет глаза, да видит! С. О. пишет о фарисейском суде:

Но они слепы; их сердца горды и надменны; они не видят и вовек не увидят того. Им *ничем* увидеть!²²

Кстати, «в греческом языке корень (F) οἶδ/(F) εἶδ/(F) ἰδ означал и «видеть», и «ведать»²³. Христос говорил о фарисеях:

Оставьте их: они – слепые вожди слепых (Мф. 15:14).

Далее в письме происходит конкретизация предтекста, говорится, кроме зрения, и о слухе:

Если б только можно было рассказать им все, без утайки, чтоб видели, слышали, поняли и уверились!²⁴

Именно здесь и заложена глубинная перспектива романа, состоящая в идее восстановления отпавшего от Творца человека.

²² Там же. С. 243.

²³ Флоренский П. Иконостас. С. 452.

²⁴ Достоевский Ф. М. Неточка Незванова. С. 244.

В. И. Габдуллина
Барнаул

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ МОТИВ «ДОГОВОРА С ДЬЯВОЛОМ» В РОМАНАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: «БОГООТМЕТНОЕ ПИСАНИЕ»¹

V. I. GABDULLINA
BARNAUL

ARCHETYPICAL MOTIF OF 'DEAL WITH THE DEVIL' IN THE NOVELS BY
DOSTOEVSKY: «HERETIC SCRIPTURES»

В статье рассматривается мотив договора человека с дьяволом в сюжетных коллизиях романов Достоевского; особое внимание уделяется мотиве «богоотметного писания», актуализация которой обусловлена как процессом ремифологизации романа, так и пониманием сакральной природы Слова. *Ключевые слова:* романы Достоевского, архетипический мотив, договор с дьяволом, блудный сын.

The motif of man's deal with the devil in the plot conflicts of Dostoevsky's novels is considered in the article; special attention is given to the motif of «heretic scriptures», actualization of which is determined by the process of the novel's remythologization and understanding of the sacral nature of the Word. *Key words:* novels by Dostoevsky, archetypal motif, deal with the devil, the prodigal son.

Мотив договора человека с дьяволом и его инвариант – мотив продажи души дьяволу² – обнаруживаются в завуалированном

© Габдуллина В. И., 2012

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, проект №6.4355.2011 «Русский язык и национальная культура в России и за рубежом».

² Актантно-предикативная структура мотива договора человека с дьяволом, как она представлена в «Словаре-справочнике мотивов и сюжетов», включает в себя следующие элементы: «герой испытывает состояние острой нужды (влюблен в недоступную женщину/стремится разбогатеть/получить повышение